

Неделя - 1992 - № 16 (№ 29) - с. 14

американские сенсации

Ну, а больше всего поразило другое.

Как певец великий итальянец в этот свой концерт не был, мне показалось, блистательным. Помимо чавканья, все портила отвратительная акустика, с которой совершенно ничего не могла поделать совершеннейшая аппаратура. Да и сам маэстро был не в ударе и явно не в здравье...

НО ЧЕМ действительно заинтересовал Паваротти Вашингтон, это своими картинами, которые он выставил на вернисаже в международном центре «Меридиан». Репродукции некоторых из этих картин, писанных в основном очень яркими, очень сочными акриловыми красками, — перед вами.

Если придется сойти ему с оперной и концертной сцены, не пропадет человек. Послушав его во Дворце спорта и еще раз посмотрев его работы, я даже подумал ненароком, что день этот, наверное, не так уж и далек. Последний раз мне довелось слушать его в оперном спектакле, в нью-йоркском «Мет», от силы полгода назад.

И вот теперь не могло не броситься в глаза, что стала еще большей его усталость. Сказывалась невероятная тяжесть тела.

Но, несмотря ни на что, голос красив настолько, что подчас застываешь в оцепенении. Дано ли вообще творить такое людям?.. И все же, мне казалось, это уже не тот Паваротти. Видимо, сам он куда лучше других это понимает. На пресс-конференции, устроенной перед концертом, маэстро признал — даже если признание и было случайным, — что петь будет так, как будет себя чувствовать.

Если ловить его на слове, так и получилось.

— Так где для вас будущее — в пении или в картинах? — спросил я Паваротти.

— Вы шутите? — вопросом ответил он, и в тот момент я был уверен, что рассердился он всерьез. Если и правда рассердился, то быстро забыл об этом: отвечал он мне потом куда добродушнее.

А на «шутку» мою ответил так: «Все это время, что дал мне Бог, буду петь — петь на пределе своих способностей. А картины — это хобби. Мне ра-

достно от него, я получаю огромное удовольствие. Но это — хобби, а не профессия, хотя и серьезное. Когда рисую, могу уйти от всего, могу два дня не подходить к телефону, могу не есть сутками, могу проспунуться ночью и встать к холсту».

Маэстро так и начал рисовать. Ночью в гостинице. В Сан-Франциско. Не спалось. «Должно быть, несварение желудка, — как-то уж очень прозаично, натуралистично пояснил Паваротти. И по виду его я понял, что специально вставил он это уточнение, дабы приземлить, принизить второе свое творчество, подчеркнуть его второстепенность, вторичность. — Не спалось. Несварение. А пел я в тот вечер Каварадосси в «Тоске», художника. Кто-то из почитателей моих подарил мне под эту роль краски и холст. Вот и пригодились они... Подошел к холсту, провел две линии: тут — земля, там — вода и небо. Отступил на пару шагов, взглянул прищурившись. «Неплохо», — сказал самому себе... Вот и началось все так. Было это в октябре, двенадцатого октября, в мой день рождения. К концу февраля мною сотворено было тридцать восемь громадных, — Паваротти опять ерничает, — полотен.

За минувшие тридцать с лишним лет их стало, надо думать, многократно больше. Паваротти выставлялся. И не раз. Впервые это произошло в Нью-Йор-

Паваротти...

ПОД ПИВО И У МОЛЬБЕРТА

Джентльмен пару раз вставал и, отлучившись минут на пять, возвращался еще с бутылочкой и еще с порцией соломки. Не один он. Таких было много в аудитории, что в тот вечер слушала... Лучано Паваротти.

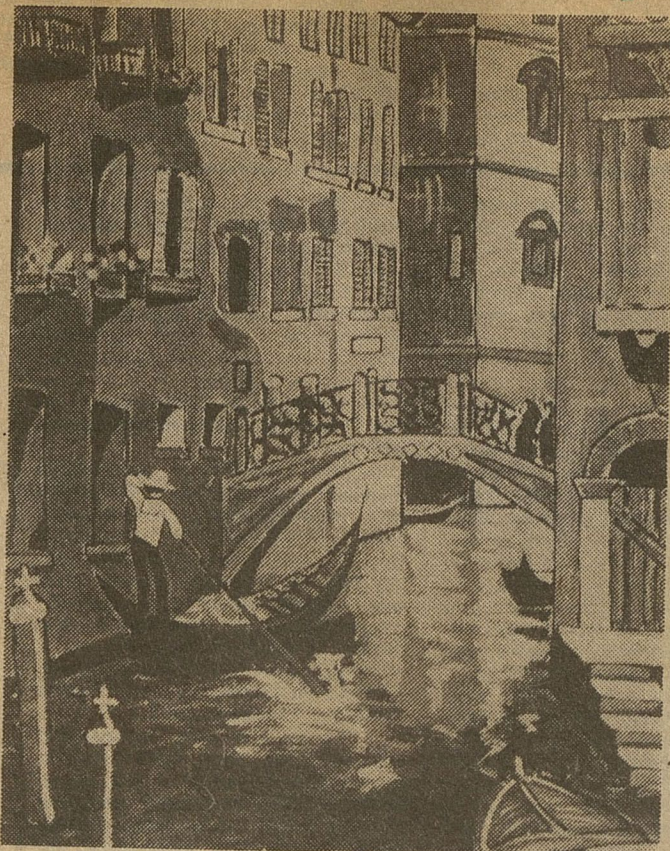
Выложить сотню долларов за билет, промучиться в жутчайшей «пробке», которая растянулась на полтора часа и которая вынудила организаторов задержать концерт, дабы дожидаться, когда подъедет хотя бы половина слушателей, — и после этого нести не на свои места в зале, а в очередь за пивом, хлопьями, солодкой, китайскими жареными орехами, истратив на это еще долларов пятнадцать и уж потом, устроившись в кресле, захрустеть, зачавкать, забулькать, не слыша того, что доносится со сцены, — это по-американски.

И даже не думай делать замечаний: сам же в дураках и окажешься, сочтут тебя человеком маловоспитанным и почти совсем не культурным.

Я прекрасно знаю это, не раз наткнулся именно на такой взгляд, который четко выговаривал мне: «Не порть нам настроение, дай расслабиться!», и все же абсолютно не могу привыкнуть к незатейливому манеру американцев — ни в концертных залах, ни даже в кино, где ты не зритель, если нет у тебя огромного пакета кукурузных хлопьев и литрового пластикового жбана с «Кока-Колой», обязательно с кубиками льда, производящими уверенный раскатистый звук каждый раз, когда жбан подносят ко рту, а потом, отхлебнув, ставят между ног.

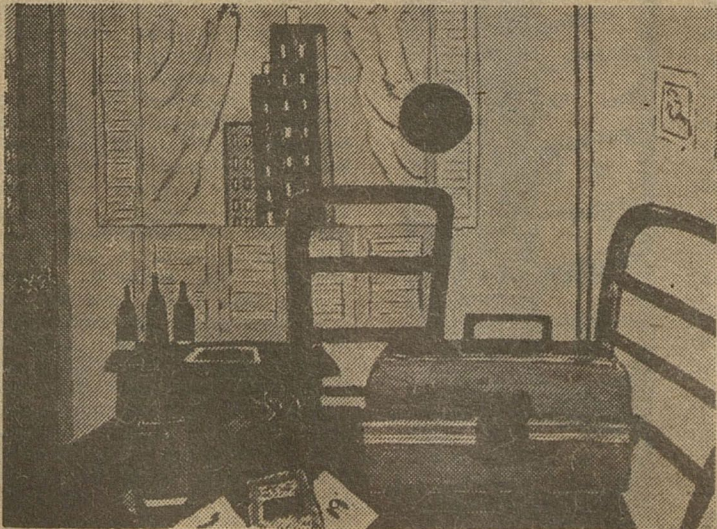
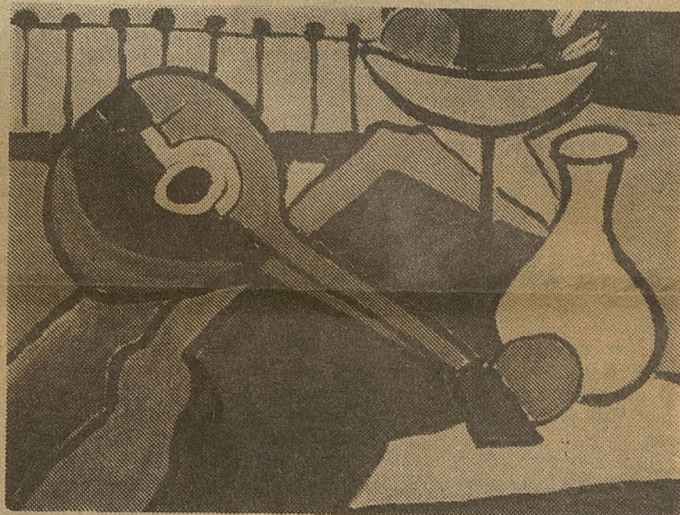
Я не исключаю, что если бы Паваротти давал свой концерт не в столичном Дворце спорта, куда можно втиснуть тысячу двадцать зрителей и выжать из них сотню тысяч чистого гонорара, если бы концерт проходил, скажем, в нью-йоркской «Метрополитен-опере», аудитория вела себя по-иному. Ну, хотя бы потому, что в «Мете» не продают соломки, хлопьев и пива, а только шампанское, наливаемое почти наперстками.

И все же эта удивительная неготовность сделать различие между Паваротти и хоккейными матчами, которыми как раз и славен столичный Дворец и на

которых пиво пьется под настроение, под «завод», поражает беспредельно. Причем, заметьте, публика собралась на Паваротти чрезвычайно солидная, высший, можно сказать, вашингтонский свет: американскую столицу, эдакую большую деревню, мировые культурно-знаменитости не особенно жалуют — они предпочитают Нью-Йорк. Когда ж жалуют, считается абсолютно недопустимым на знаменитость не попасть и, значит, не иметь потом возможности обронить вскользь: «Паваротти? Как же, — слушали-с его». Под пиво.

До сих пор стоит перед глазами — и ушами — сцена: тончайшее пьянство на флейте-пикколо и — хрясь-хрясь-буль-буль!

ке, с десятков лет назад.

Работы свои не продает. Никому. Это — любопытно, если учесть, что по слухам, которые кружатся в музыкальном мире, маэстро — человек прижимистый, гонится, говоря по-нашему, за длинным долларом, соглашаясь на то, на что другой бы кто и не согласился.

— Во Дворце этом, — напомнил певцу кто-то из коллег, — пели Мадонна и «Роллинг стоунз». Каково вам петь там же?

И опять — мгновенное раздражение, сменявшееся улыбкой: «В своем деле они большие мастера. Если вы сравниваете меня с ними, я очень польщен».

Ну, прямо...

И опять — об искусстве, оперном, о сезоне, который этим концертом во Дворце спорта должен для Паваротти завершиться.

— Как вы сами оцениваете этот сезон? — спрашиваю я.

— Я очень удачливый человек. Я люблю людей, и мне всегда удается налаживать со сцены контакт с ними. Я пою для них так, как только может хватить меня. Но завтра я должен спеть еще лучше. Если наступит день, когда я скажу себе: «Завтра мне надо спеть не хуже, чем сегодня, спеть так же», — я со сцены уйду. Навсегда.

Хотелось бы, чтобы только не завтра, и не в следующем году, и не двумя, пятью, десятью годами позже. Даже если и будет он все эти годы выступать каждый вечер в вашингтонском Дворце, где мальчонки чавкают хлопьями, а джентльмены булькают пивом.

Александр ШАЛОМОВ, соб. корр. «Известий», Вашингтон.